

было признаков оппозиции великокняжеской власти. Это и понятно: с начала XVI в., после санкционированного Иваном III разгрома ереси, отношение «воинствующих церковников» к самодержавию резко изменилось. Отдельные заимствования из исследуемого свода конца XV в. были сделаны и другими летописями XVI в. (Уваровская, Чертковская, Воскресенская, Иоасафовская).⁴⁹ Но это были лишь небольшие фрагменты и случайные отражения свода 1489—1490 гг. Что касается свода 1518 г. в целом, то он дошел до нас лишь в весьма небогатой рукописной традиции СII (два списка) и Л (один список). Едва ли такую бедность можно считать случайной. Она объяснялась тем, что в основе свода 1518 г. лежал оппозиционный свод 1489—1490 гг. — последний и, вероятно, самый смелый из памятников независимого общерусского летописания XV в.

⁴⁹ В Уваровской летописи отразился текст свода 1518 г. с 6993 по 7026 г. Следует согласиться с А. Н. Насоновым (История русского летописания XI—начала XVIII в., стр. 396), что Уваровская летопись — именно отражение свода 1518 г., а не его протограф; об этом говорит не только явно вторичный характер известия о привозе в Москву «жены» казанского хана (вместо «жен»), но и вся структура Уваровской летописи, повторяющей в своей основной части структуру Прилуцкой летописи (свода 1497 г.). В Чертковской летописи (Русский временник, сиречь Летописец ... ч. II, М., 1820 г.) с СII—Л совпадают отдельные известия 6966, 6969, 6987, 6989, 6990, 6991, 6992, 6996 гг. (ср.: А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII в., стр. 458, 463—464). В Воскресенской летописи заимствован рассказ СII—Л за 6996 г. В Иоасафовской летописи со сводом 1518 г. совпадают известия последней части — за 7004—7026 гг. (ср.: А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII в., стр. 400).